

УДК 343.1

DOI: 10.17223/22253513/35/10

И.Г. Смирнова

**ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ И ЯПОНИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Представлены сравнительно-правовой анализ и основанные на нем выводы о присущих Российской Федерации и Японии особенностях обеспечения и защиты имущественных интересов лиц в сфере уголовного судопроизводства. Наиболее яркой тенденцией в свете поставленного вопроса является защита имущественного интереса не только лиц, наделенных процессуальным статусом в уголовном деле, но и лиц, такового не имеющих.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичность, частный интерес, уголовно-процессуальная стратегия.

Следует признать, что вопрос об имущественном интересе в сфере борьбы с преступностью является не только достаточно актуальным, но и необычным. Традиционно понятия интереса и имущества применяются в сфере гражданско-правовых отношений, в диспозитивных отраслях права. Публичное уголовное судопроизводство с императивным методом правового регулирования не является традиционной сферой для постановки вопроса о защите имущества и законных интересов личности, с ним связанных.

Поэтому хотелось бы определиться с содержательным наполнением концептуальных терминологических единиц. В частности, полагаем, что имущество следует рассматривать не только как отдельную вещь, но и как некую совокупность материальных ценностей (ст.ст. 133–135 ГК РФ), а равно имущественные права (ст.ст. 301, 303 ГК РФ). В свою очередь, под интересом следует понимать потребностное отношение к какому-либо объекту.

В качестве объекта для сравнения избрана Япония, ее уголовное судопроизводство. Это обусловлено рядом взаимодополняющих факторов. Так, несмотря на значительную плотность населения, проживающего на малой территории, но сопоставимого при этом с численностью населения в РФ, Япония относится к странам с крайне низким уровнем преступности. Во-вторых, самобытность уголовно-процессуального законодательства Японии предопределяется заметным влиянием на его развитие как романо-германской системы права (первый УПК Японии 1880 г. с классическим предварительным следствием французского типа был принят на основе проекта, предложенного французом Г. Буассонадом), так и англо-саксонской системы права, поскольку действующий в настоящее время УПК Японии 1948 г. был принят во время действия оккупационного режима США. Ука-

занные особенности, а также территориальная близость границ РФ и Японии предопределили актуальность поставленного вопроса.

Как представляется, анализ имущественного интереса возможен посредством оценки через призму публичного или частного начала в уголовном процессе Японии и РФ.

Публичный имущественный интерес государства наиболее ярко проявляется в выборе определенной уголовно-процессуальной стратегии. Из всех стратегий, существующих в настоящее время, можно выделить следующие:

1. Защита прав и свобод обвиняемого.
2. Уголовное преследование.
3. Социальная поддержка обвиняемого.
4. Социальная поддержка потерпевшего.
5. Рациональность и эффективность уголовного судопроизводства.
6. Примирение [1. С. 24].

Анализ особенностей производства по уголовным делам на территории Японии свидетельствует о приоритете двух стратегий – уголовном преследовании и рациональности и эффективности уголовного судопроизводства.

Приоритетное значение стратегии уголовного преследования прослеживается в таких характеристиках УПК Японии, как длительные сроки задержания, преимущественное значение такого вида доказательства, как признание вины, а также особая роль прокуроров в уголовном процессе. В частности, японские прокуроры могут приобщать к делу практически любые доказательства, показавшиеся им важными, задерживать любых подозреваемых на срок до 25 суток с почти гарантированной санкцией со стороны суда, контролировать общение подозреваемого и адвоката (вплоть до момента предъявления формального обвинения перед лицом суда), произвольно назначать время и количество допросов. Более того, по делам дзайтаку, которые проходят без инициирования уголовного процесса и формальностей, прокурор может месяцами собирать доказательную базу перед предъявлением формального обвинения.

В свою очередь, рациональность и эффективность уголовного судопроизводства как самостоятельная уголовно-процессуальная стратегия представлены в УПК Японии принципом целесообразности: лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с «нецелесообразностью назначения наказания».

Такой подход позволяет в превентивном порядке снижать расходы на уголовно-процессуальный механизм реагирования на преступность со стороны государства и повышать экономический эффект, обеспечивая защиту имущественного публичного интереса в уголовном судопроизводстве.

Этой же цели способствуют и особые порядки, которые получили свое развитие в японском процессуальном праве. В частности, в настоящее время УПК Японии регулирует процедуру и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по конкретным составам преступлений (взяточничество, организованное мошенничество, нарушения антимонопольного и налогового законодательства и т.п.).

Публичный имущественный интерес находит свое проявление и в УПК РФ в виде института судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), наложения ареста на имущество в целях его последующей конфискации (ст. 115 УПК РФ) и т.п.

Не менее значима в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и защита частного имущественного интереса.

В УПК РФ закреплено много процессуальных норм, которые защищают имущественный интерес участников процесса и которым следует дать положительную оценку:

- реабилитация (гл. 18 УПК РФ);
- наложение ареста на имущество в целях возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 115 УПК РФ);
- гражданский иск в уголовном деле (ст.ст. 44, 54 УПК РФ и др.);
- примирение сторон (ст. 25 УПК РФ) и деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ) и т.п.

Однако крайне интересен подход российского законодателя, который обеспечивает защиту имущественных интересов не только участников уголовного судопроизводства, но и лиц, не наделенных процессуальным статусом. Так, в соответствии с решением КС РФ¹ от 31 января 2011 г. № 1-П признается допустимым наложение ареста на имущество лиц, не обладающих процессуальным статусом, но несущих по закону вытекающую из причинения вреда материальную ответственность за действия подозреваемого или обвиняемого.

И это в полной мере соответствует стратегиям защиты прав личности и назначению уголовного судопроизводства.

В последнее время все большее распространение приобретают нормы в УПК РФ, появление которых является ярким проявлением частного имущественного интереса, однако не в общем понимании, а применительно к определенной категории лиц. Речь идет о формирующемся особом производстве – производстве по делам об экономических преступлениях, преступлениях в сфере предпринимательской, коммерческой деятельности, по делам предпринимателей [2]. В частности, уже сейчас можно говорить о нормативно признанной специфике возбуждения уголовных дел по ряду составов преступлений. В соответствии с ч.ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ особая процедура проверки сообщения о преступлении предусмотрена для возбуждения уголовных дел по ст. 198 УК РФ (уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика стра-

¹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

ховых взносов от уплаты страховых взносов), ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов), ст. 199.1 УК РФ (неисполнение обязанностей налогового агента), ст. 199.3 УК РФ (уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд), ст. 199.4 УК РФ (уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд).

Не менее значимые особенности предусмотрены в отношении избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ предусматривает запрет применения заключения под стражу в качестве меры пресечения по отдельным составам экономических преступлений, совершенных в сфере предпринимательской деятельности, кроме случаев, когда подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Все это позволяет сделать вывод о выборочном подходе законодателя к защите имущественного частного интереса в уголовном судопроизводстве, что противоречит Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.¹, в которой отмечается крайне высокий уровень социального неравенства в качестве одной из институциональных проблем, что, увы, проявляется и на уровне уголовно-процессуального регулирования.

Литература

1. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2007. 56 с.

2. Смирнова И.Г., Ользонов А.Б. К вопросу о тенденциях осуществления судебного контроля за применением мер принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : ВСИ МВД России, 2018. С. 185–188.

Smirnova Irina G., East-Siberian Institution of the Russian State University of Justice (Irkutsk, Russian Federation)

PROTECTION OF PROPERTY INTEREST IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND JAPAN: COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS

Keywords: criminal proceedings, publicity, private interest, criminal-procedural strategy.

DOI: 10.17223/22253513/35/10

¹ Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Although public criminal proceedings with an imperative method of legal regulation are not a traditional area for protecting of property and legitimate interests of the individual associated with it, the appointment of criminal proceedings (Article 6 of the Russian Criminal Code) and the Constitution of the Russian Federation (Article 2) determines the need to ensure the rights and freedoms of the individual in all state activities. The article analyzes property interest by testing it through the prism of public or private beginnings in the criminal proceedings of Japan and Russia.

Public property interest of the state is most clear in the choice of a certain criminal procedural strategy, of which two - criminal prosecution, and the rationality and effectiveness of criminal procedure - prevail in Japan.

The priority of a criminal prosecution strategy can be seen in such characteristics of the Criminal Procedure Code (CPC) of Japan as long detention periods, the priority of such type of evidence as a guilty plea, as well as the special role of prosecutors in criminal proceedings. In its turn, the rationality and effectiveness of criminal proceedings as an independent criminal-procedural strategy are presented in the CPC of Japan by the principle of expediency. Public and private property interests are also manifested in the CPC of the Russian Federation that fully corresponds to the strategies of protecting the rights of the individual and the appointment of criminal proceedings.

Recently, the norms in the CPC of the Russian Federation, the emergence of which is a clear manifestation of private property interest not in general understanding, but concerning a certain category of persons, are becoming more widespread. We are talking about the emerging special production - proceedings in the cases of economic crimes, crimes in the sphere of business, commercial activity and cases of entrepreneurs. The above enables us to conclude that the legislators' selective approach to protecting property private interest in criminal proceedings is contrary to the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period before 2020, which is marked by a high level of social inequality as an institutional problem, which, alas, manifests itself at the level of criminal procedure.

References

1. Stoyko, N.G. (2007) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretiko-pravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i Romano-germanskoj pravovykh sistem* [The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-German legal systems]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
2. Smirnova, I.G. & Olzonov, A.B. (2018) [On the trends in judicial control over the use of coercive measures in Russian criminal proceedings]. *Ugolovno-pravovye i protsessual'nye aspekty rassledovaniya prestupleniy, podsledstvennykh organam vnutrennikh del* [Criminal law and procedural aspects of the investigation of crimes under investigation by the internal affairs bodies]. Proc. of the All-Russian Conference. Irkutsk: Ministry of Interior of the Russian Federation. pp. 185–188. (In Russian).